

копии «Титова милосердия» и «Фемистокла» середины XIX века с его примечаниями (Ф. 96. Оп. 1. № 29. Л. 34–74; № 28. Л. 45–98). В печать, однако, попали только отрывки из них. Текстология «Фемистокла» особенно сложна. В писарской копии полного перевода с поправками Державина все вокальные номера (арии и ансамбли) построчно зачеркнуты и над каждой строкой вписан новый вариант, на л. 43 об. находятся три варианта финального хора. Кроме того, в других рукописях можно встретить черновые наброски перевода: РНБ. Ф. 247 (Державин). Т. 4. Л. 96 об. — 97; ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. № 45. Л. 23–23 об. Разработка эдичионного режима подачи всех этих источников и установление дефинитивного текста является непостоянной научной задачей. Сопоставление державинского перевода с подстрочником Гагарина должно стать со временем темой отдельного исследования. Уместно также размышление о том, как сюжет, связанный

с битвой при Саламине и завершающийся торжественным примирением главных антагонистов: афинского полководца Фемистокла и персидского царя Ксеркса, — соотносится с обстановкой победоносного завершения Отечественной войны 1812 года. Датировку перевода косвенно дают черновые записи оригинального оперного либретто Державина «Грозный, или Покорение Казани», опубликованного в 1813 году, которые сделаны на тех же листах, что и черновые наброски «Фемистокла».

Разумеется, книга Е. В. Лукина «Запад против Востока» имеет самостоятельное научно-популярное, публицистическое и художественное значение. И все же она не должна затеряться и пройти мимо будущего исследователя позднего творчества и издателя драматических сочинений Г. Р. Державина, который в силу специализации своего интереса не уделял бы ей должного внимания.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-240-247

© С. Н. Гуськов

ЛИТЕРАТУРА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ XIX ВЕКА Обзор новых исследований*

Взаимодействие государственной власти и литературы и связанная с этим проблема институтов литературы — актуальное направление в современных исторических, социологических и собственно литературоведческих исследованиях. Цензура, история чтения, литературные общества, премии, вообще случаи разнообразных контактов литературы с государственной властью вызывают в настоящее время устойчивый интерес ученых-гуманитариев. Количество исследований о литературе и государстве во всех возможных вариациях данной темы абсолютно необозримо. Поэтому важной проблемой при обращении к этой теме является выбор исследовательского ракурса. В настоящем обзоре мы обратились преимущественно к работам о том, как писатели встраивались в систему государственных институтов. Такой подход кажется нам на сегодняшний день оптимальным, потому что позволяет сочетать социологический подход к литературе с вниманием к автору и к литературному тексту, который при всех трансформациях фило-

логической оптики остается конечным объектом собственно литературоведческого исследования. Возрастающее многообразие научного инструментария, на наш взгляд, не должно загромождать то, к чему движется филолог, — к смыслу текста. Выбранный ракурс отнюдь не сужает область изучения — проблематика новейших работ по теме естественным образом строится на персональном биографическом материале — но дает возможность более прагматически структурировать обширный материал.

Если ранее интерес историков литературы к служебной деятельности писателя, как правило, оставался в пределах биографического дискурса и даже и в этих границах был скорее факультативным, а самостоятельные статьи, а тем более монографии на эту тему единичными, то в последнее время произошло расширение исследовательского поля и служебная деятельность писателей стала рассматриваться как в рамках новых направлений изучения истории литературы, так и в непосредственной связи с анализом художественных текстов. Как представляется, такое изменение можно объяснить несколькими причинами. Важное место занимают методологические причины: так называемый «исторический поворот», развитие исторической социологии, размывание границ гуманитарных наук вооб-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-112-50227 (Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-112-50227).

ще и истории литературы в частности. Благодаря этим переменам в истории литературы большее место стали уделять изучению биографии писателя, историческому и политическому контексту его творчества, прагматике литературы. Можно объяснить это изменение и собственно идеологическими причинами, более активным интересом к консервативной идеологии и — в связи с ним — к писателям, которые ее придерживались. Отход от периодизации литературы, обусловленной этапами революционно-освободительного движения, возродил исследовательское внимание к писателям, которые не были настроены к власти оппозиционно, а напротив, по убеждениям или в силу обстоятельств сочетали литературное творчество с государственной службой. Для них коммуникация с властью часто оказывалась значимой не только в житейском, но и в творческом и идеологическом смыслах, и поэтому ее следует учитывать при характеристике их биографии и творчества.

Тема «Государство и литература» рассматривается учеными по преимуществу на историческом материале XVIII и начала XIX века — периода, когда литература и авторами, и представителями власти воспринималась как часть государственного проекта. Это касается и «персонального» ракурса. Так, несколько интересных работ посвящены писателю-чиновнику с «двойной идентичностью» И. И. Дмитриеву.¹ Долгая служебная деятельность П. А. Вяземского была проанализирована еще в монографии М. И. Гиллельсона.² Неизбежная идеологическая составляющая текста не умаляет важности того, что тема государственной службы поэта вообще исследовалась в это время. В монографии были опубликованы важнейшие для понимания служебной деятельности и идеологической позиции Вяземского документы. В начале нового века вышла в свет монография П. В. Акулышина,³ в которой была предпринята попытка рассмотреть Вяземского «как политического и общественного деятеля, представителя „просвещенной дворянской бюрократии“».⁴ Пример Вяземского, служебная карьера и творчество которого продолжались так долго, показыва-

ет, что отношения писателя и власти становятся еще более многоаспектными в середине XIX века, когда происходит автономизация литературного поля и профессионализация литератора.

Тема «писатель на государственной службе» обычно находит отражение в исследованиях, посвященных тому или иному литератору-чиновнику.⁵ Поскольку тема относительно нова, обобщающие работы единичны. Но их нельзя не отметить. Дальше всех в этом направлении продвинулась И. Рейфман, автор монографий, в которых была предпринята попытка осмыслить феномен служащего литератора не как частный случай, а как вполне типичное и нередкое в истории русской литературы явление. В монографии «How Russia Learned to Write: Literature and the Imperial Table of Ranks» (2016) подведены некоторые промежуточные итоги продолжительного изучения отношения русских писателей к государственной службе. Рейфман свойственна не только хронологическая широта подхода к проблеме (охвачен практически весь период существования петровской Табели о рангах, с 1722 до 1917 года), но и предметная: служба и чины рассмотрены в книге не только как биографическая характеристика русских писателей-дворян, но и как топос в их творчестве. Как и некоторые другие исследователи «чиновничьего» ракурса истории русской литературы, Рейфман особое внимание уделяет XVIII — началу XIX века.⁶

В главе 1 «To Serve or to Write? Noble Writers in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries» («Служба или творчество? Писатели-дворяне в XVIII — начале XIX века») Рейфман сравнивает различные модели публичного поведения писателей-чиновников: «Представления о том, какое место в их жизни должны занимать служба и литература, варьировались

⁵ Несколько интересных работ посвящены И. И. Дмитриеву: *Велижев М. Б.* «Сенатор» vs. «Поэт»: (авто)биографическая мифология и литературная репутация И. И. Дмитриева // *Avtobiografiya: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*. 2016. № 5. С. 117–150; *Костин А. А.* И. И. Дмитриев — председатель Комиссии под председательством Ивана Дмитриева (1816–1819) // *Иван Иванович Дмитриев (1760–1837): Жизнь. Творчество. Круг общения*. СПб.: ПИЯФ, 2010. С. 92–108 (сер. «Петербург в европейском пространстве науки и культуры»; Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Вып. 6).

⁶ *Reyffman I.* 1) *How Russia Learned to Write: Literature and the Imperial Table of Ranks*. Madison: University of Wisconsin Press, 2016; 2) *Rank and Style: Russians in State Service, Life, and Literature*. Boston, MA: Academic Studies Press, 2012; 3) *Pushkin the Titular Councilor // Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations* / Ed. by A. D. Gillespie. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2012.

¹ *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001; *Проскурина В. Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006; *Основа К. А.* Придворная словесность: Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

² *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969.

³ *Акулышин П. В.* П. А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

⁴ Там же. С. 3.

от убеждения в том, что писательство — это разновидность государственной службы, до признания, что литература и служба несовместимы, включая ряд промежуточных позиций. Признавали они публично свой писательский статус (и, таким образом, выпускали в свет свои литературные произведения) или предпочитали сохранить его в тайне (и, таким образом, не печатались совсем или печатались анонимно), часто зависело от их конкретного взгляда на отношения между службой и писательством».⁷ С этой точки зрения в главе противопоставлены творческие стратегии А. П. Сумарокова, который считал писательство разновидностью службы («presents his writing as a form of service»),⁸ и А. Т. Болотова, убежденного в том, что служба вредна писателю («viewed service as inimical to writing»).⁹ Столь же однозначные позиции в этом поле занимали А. А. Ржевский и И. Ф. Богданович. Особое внимание уделено в главе биографическим траекториям писателей, которые искусно балансировали между литературным творчеством и служебными занятиями. В этом ряду представлены биография и творчество Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева и некоторых других авторов. Рейфман обращается к анализу творчества, воссоздав служебную траекторию литератора, что позволяет ей оценивать литературные произведения в нетривиальном ракурсе, рассматривать литературу как в некотором смысле производную государственной службы. Такой подход оказывается плодотворным не только по отношению к практически поголовно служившим авторам XVIII века, но и к литераторам следующего столетия, когда не служащий дворянин уже не выглядел подозрительно, а писательство постепенно приобрело статус профессии. На первый взгляд неожиданно, но абсолютно убедительно исследование о служебной карьере Пушкина.¹⁰ В общей сложности Рейфман обращается к биографиям приблизительно двадцати литераторов, от А. П. Сумарокова до А. А. Фета. Конечно, творчество и служебные карьеры избранных для исследования писателей представлены в книге с неодинаковой степенью подробности (большее внимание привыч-

но уделено таким авторам, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский), но разносторонний характер изучения, интерес и к биографии, и к поэтике делают эту книгу в некотором смысле попыткой написать альтернативную историю русской литературы. Как отмечается в недавней рецензии, «книга Рейфман <...> освещает не замеченный ранее ракурс русской литературы и открывает новые возможности для интерпретации творчества писателей-чиновников».¹¹ Эта попытка нашла продолжение и в недавно вышедшей в свет англоязычной «Истории русской литературы»,¹² среди авторов которой была и Рейфман. Взаимоотношения литературы и государственной власти стали одной из важных тем в этой книге.¹³

Весьма значителен вклад в разработку темы «Литература и власть» автора книг и статей по исторической социологии А. И. Рейтблата. В предисловии к книге «Как Пушкин вышел в гении» замечено: «Хотя Пушкин присутствует в ее названии, эта книга — не о нем. В центре внимания тут — социальные аспекты русской литературы 1820–1840-х гг.: ее внутреннее устройство как социального института и ее внешние связи с политическими, а в какой-то степени и экономическими институтами русского общества того времени».¹⁴ Акцент на исследовании взаимоотношений литературы и политики (экономики) Рейтблат называет важнейшей особенностью социологического подхода.¹⁵ В главе «Писатели и III отделение» Рейтблат на основе публикуемых архивных материалов пересматривает традиционное представление о сотрудничестве литераторов и жандармов: «...связь ряда журналистов и литераторов с III отделением — не досадное исключение, обусловленное низкими моральными качествами этих людей, а закономерное явление, демонстрирующее специфические черты российской литературной системы того времени».¹⁶ Обращение за помощью и документально подтвержденное сотрудничество значительного числа литераторов с жандармским управлением, как считает Рейтблат, восходит к концепции литературного труда, распространенной еще в XVIII веке, согласно которой «литераторы — это своего рода чиновники на службе у правительства».¹⁷ Сотрудни-

⁷ «Their methods of balancing writing and service ran the gamut from insisting that writing is a type of service to considering writing inconsistent with service, with various intermediary positions in between. Whether they acknowledged their writing publicly (and thus published their literary works) or preferred to keep it private (and thus did not publish or published anonymously) often depended on their particular view of the relationship between service and writing» (*Reyffman I. How Russia Learned to Write*. P. 22).

⁸ *Ibid.* P. 27.

⁹ *Ibid.* P. 29.

¹⁰ Она, впрочем, подготовлена предшествующими работами исследовательницы, см., например: *Reyffman I. 1) Rank and Style; 2) Pushkin the Titular Councilor*. P. 41–57.

¹¹ *Scollins K. Irina Reyffman «How Russia Learned to Write // Pushkin Review*. 2019. № 21. P. 232.

¹² См.: *Kahn A., Lipovetsky M. N., Reyffman I., Sandler S. A history of Russian literature*. New York: Oxford University Press, 2018.

¹³ См., например, главы «Imperial Censorship» (p. 368–373), «State bureaucrats (chinovniki)» (p. 452–455).

¹⁴ *Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи*. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 155.

¹⁷ Там же.

чество с властью, как показывают найденные и опубликованные учеными архивные документы, литераторы 1820–1840-х годов использовали для получения преимуществ в конкуренции с коллегами, для преодоления цензурных препятствий или просто для добывания дополнительных денежных средств. Хотя в этой и других работах Рейтблат обращается по преимуществу к социологическому методу исследования, т. е. изучает общественные процессы, ему часто важен и персональный ракурс. Так, обозначенная в 2001 году тема обыденного сотрудничества писателей с политической полицией нашла отражение в новейших работах Рейтבלата о Ф. В. Булгарине, Н. И. Грече и Н. А. Полевом.¹⁸ Стоит отметить, что собственно литературное творчество изучаемых авторов, как правило, остается вне сферы интересов ученого.

Как представляется, в этом ряду должна еще быть названа санкт-петербургская исследовательница истории цензуры Н. Г. Патрушева.¹⁹ Хотя собственно от литературоведческих позиций она еще дальше, чем Рейтблат, ее работы о российской цензуре и цензорах, в том числе библиографические словари,²⁰ подготовленные с ее участием, весьма существенны для изучения интересующей нас проблемы, в частности потому, что писатели, в том числе достаточно крупные, часто выступали и в роли цензоров.²¹ Заметим попутно, что писатели в XIX веке из разных видов государственной службы часто предпочитали цензорскую, несмотря на сомнительный в глазах общества статус этого занятия. Играли роль «стабильный доход и служебные привилегии».²² Соответственно и работы о писателях-цензорах преобладают в числе исследований, посвященных писателям-чиновникам.

Так, например, служебная деятельность дипломата и цензора Ф. И. Тютчева на се-

годняшний день изучена довольно подробно. Значительное количество документов и свидетельств современников о дипломатической службе поэта было опубликовано в тютчевских томах «Литературного наследства».²³ На основе десятков дел из Архива внешней политики Российской империи и других архивов введен в научный оборот ряд неизвестных ранее документов и написано уникальное исследование дипломатической карьеры поэта.²⁴ В этом исследовании Т. Г. Динесман описала ряд ярких эпизодов из жизни Тютчева-дипломата, в том числе, например, его участие в возведении на престол первого короля Греции Оттона.²⁵ Освещены и связи дипломатической и творческой деятельности поэта.²⁶ Благодаря этому труду проявилась «роль Тютчева в делах Мюнхенской миссии», стало очевидно, что наиболее влиятельной была позиция Тютчева в период с 1828 по 1833 год, когда послом был граф И. А. Потемкин, это была роль «не подчиненного чиновника, а помощника и советника».²⁷

Следующий этап служебной биографии Тютчева — в Комитете цензуры иностранной — также привлекает внимание современных исследователей. Документы (отчеты о деятельности Комитета за несколько лет) были опубликованы еще в 1935 году.²⁸ М. Брискман, хотя и сомневался в авторстве всех текстов, все же высказывал уверенность, что «...заключения этих отчетов принадлежат Тютчеву лично».²⁹ Свидетельством современного интереса к этому периоду службы Тютчева являются работы Г. В. Жиркова,³⁰ который освещает и деятельность Тютчева в Совете Главного управления по делам печати, в котором тот стремился занимать позицию «посредника между властью и печатью».³¹ Службе в целом, включая и цензорскую, в некоторой части

¹⁸ Рейтблат А. И. 1) Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016; 2) Наблюдательный Наблюдатель: Н. И. Греч и III отделение // Литературный факт. 2018. № 10. С. 108–164; 3) Н. А. Полевой и III отделение // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 228–251.

¹⁹ См., например: Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013 (сер. «Книга в России в XIX — начале XX века»), и др.

²⁰ Цензоры Российской империи: конец XVIII — начало XX века. Библиографический словарь. СПб.: Российская национальная библиотека, 2013.

²¹ См. об этом: Патрушева Н. Г. Литераторы — чиновники цензурного ведомства // Чины и музы: Сб. статей. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017. С. 27–40.

²² Там же. С. 29.

²³ Лит. наследство. 1988–1989. Т. 97. Ф. И. Тютчев. Кн. 1–2. См. также: Летопись жизни и творчества Тютчева: В 3 кн. / Отв. ред. Т. Г. Динесман. [М.]: Мураново, 1999–2012; Тютчев в документах, статьях и воспоминаниях современников / Ред.-сост. Г. В. Чагин. М.: Книга и бизнес, 1999.

²⁴ Динесман Т. Г. Ф. И. Тютчев. Страницы биографии (К истории дипломатической карьеры). М.: ИМЛИ РАН, 2004.

²⁵ Там же. С. 23–28.

²⁶ См., например, с. 20–21 (о переводе Тютчевым панегирика короля Баварии Людвиг, обращенного к Николаю I).

²⁷ Там же. С. 4.

²⁸ Брискман М. Тютчев в Комитете цензуры иностранной // Лит. наследство. 1935. Т. 19–21. С. 565–578.

²⁹ Там же. С. 566.

³⁰ См., например: Жирков Г. В. «Но мыслью обнял все, что на пути заметил...»: три ипостаси Ф. И. Тютчева // У мысли стоя на часах... Цензоры России и цензура / Под ред. Г. В. Жиркова. СПб.: изд-во СПбГУ, 2000. С. 100–158.

³¹ Там же. С. 149.

посвящена книга С. А. Экштута.³² Значительное место дипломатической и цензурской работе Тютчева уделено в последнем томе словаря «Русские писатели...».³³ Это издание в целом можно считать важнейшим справочным пособием не только по истории русской литературы вообще, но и по теме «литераторы и государственная власть» в частности, служебная деятельность писателей освещена здесь, как правило, весьма тщательно.

В рамках заявленной темы нельзя не отметить довольно многочисленные публикации материалов служебной деятельности писателей. Такого рода источники традиционно воспринимались как факультативные даже в научно подготовленных собраниях сочинений. Теперь они публикуются и составляют отдельные тома, как, например, в собраниях сочинений И. А. Гончарова и К. Н. Леонтьева.

Пожалуй, один из самых активно изучаемых сейчас в интересующем нас ракурсе авторов — И. А. Гончаров. Внимание к Гончарову обусловлено, как представляется, уникальным сочетанием его служебной и писательской карьер. Обычное в научной литературе противопоставление службы и творчества как взаимоисключающих жизненных стратегий («Служба была вечной язвой, разъедавшей его существование...») биографией этого автора не подтверждается. Творческий путь Гончарова тесно переплетен с восхождением по служебной лестнице, а некоторые классические произведения (например, травелог «Фрегат „Паллада“») вообще появились в результате выполнения «служебного задания». Интерес к чиновничьей стороне биографии Гончарова до самого последнего времени возникал крайне избирательно и эпизодически. Начало служебной карьеры Гончарова в Департаменте внешней торговли Министерства финансов крайне редко привлекало литературоведов.³⁴ Не существовало в исследовательском поле и службы Гончарова в качестве редактора правительственной газеты «Северная почта» в 1862–1863 годах.³⁵ Не-

сколько большее внимание уделялось обстоятельствам его службы на фрегате «Паллада»,³⁶ но по большей части эти сведения интересовали ученых как вспомогательные, для подготовки издания и комментирования текста очерков путешествия.³⁷ Однако с началом публикации Полного собрания сочинений и писем Гончарова этот интерес значительно усилился. Так, уже в 2000 году в составе Полного собрания вышел в свет третий том,³⁸ включающий в себя официальные документы и материалы «японской» экспедиции под руководством вице-адмирала Е. В. Путятина, секретарем которого был Гончаров. Многие документы были напечатаны впервые. Объем служебных бумаг, составленных писателем в экспедиции, огромен: помимо отчетов и донесений от имени Путятина Гончаров фиксировал содержание переговоров с японцами и вел дипломатическую переписку. Отчасти поэтому составители тома опубликовали документы выборочно.³⁹ Тем не менее публикация этого материала, безусловно, в очень большой степени дополнила как историю российской дипломатии на Дальнем Востоке, так и творческую историю произведения Гончарова. Упомянутый том Полного собрания сочинений Гончарова, кроме официальных документов, содержит и весьма пространные комментарии к тексту очерков «Фрегат „Паллада“», что делает его бесценным источником сведений, относящихся к важному этапу служебного и творческого пути писателя. Последующие исследования этого этапа биографии и творчества Гончарова, в том числе иностранные, написаны с опорой на это научное издание.⁴⁰

верной почты“», адресованной министру внутренних дел П. А. Валуеву. См.: *Ковалев И. Ф. И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта» // Русская литература. 1958. № 2. С. 130–141.*
³⁶ См., например: *Орнатская Т. И. И. А. Гончаров — член кают-компании фрегата «Паллада» // И. А. Гончаров: Материалы междунард. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Отв. ред. И. А. Кутейников. Ульяновск: Стрежень, 1994. С. 146–156; Алексеев А. Д. И. А. Гончаров — автор официального «Отчета о плавании фрегата „Паллада“ // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»...: Сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова / Отв. ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Наука, 1969. С. 370–375.*

³⁷ См., например: *Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия: В 2 т. / Изд. подг. Т. И. Орнатская; отв. ред. Д. В. Ознобишин. Л.: Наука, 1986 (сер. «Литературные памятники»).*

³⁸ *Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 2000. Т. 3. Фрегат «Паллада». Материалы путешествия; Очерки; Предисловия; Официальные документы экспедиции / Ред. Т. А. Лапицкая, В. А. Туниманов.*

³⁹ Там же. С. 393.

⁴⁰ См., например: *Bojanowska E. A. World of Empires: The Russian Voyage of the Frigate Pallada. Cambridge, L.: The Belknap Press of*

³² *Экштут С. А. Тютчев: тайный советник и камергер. М.: Прогресс-традиция; Астра-семь, 2003 (перизд.: М.: Молодая гвардия, 2013 (сер. «Жизнь замечательных людей»)).*

³³ *Лейбов Р. Г., Основат А. Л. Тютчев Федор Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.; СПб.: Нестор-история, 2019. Т. 6. С–Ч. С. 350–361.*

³⁴ Пожалуй, можно назвать только две статьи на эту тему: *Муратов А. Б. И. А. Гончаров в министерстве финансов // И. А. Гончаров: Новые материалы о жизни и творчестве писателя / Под ред. П. С. Бейсова. Ульяновск, 1976. С. 37–57; Лобкарева А. В. На службе в Департаменте: Поиски и находки Музея И. А. Гончарова. К 180-летию со дня рождения писателя // Ульяновская правда. 1992. 20 июня. № 117–118 (20.311–20.312). С. 8–9.*

³⁵ Единственным исключением до начала 1990-х годов стала публикация гончаровской служебной записки «О способах издания „Се-

Карьера Гончарова-цензора и соответствующие материалы интересовали ученых в начале XX века, когда были опубликован значительный массив материалов по теме;⁴¹ в советский период внимание исследователей к этой теме полностью затухает (исключением, пожалуй, стала только «Летопись...»,⁴² в которой отмечена и цензорская деятельность) и возобновляется только в 1990-х годах.⁴³ Этот важный этап служебной биографии Гончарова был отражен в десятом томе «Материалы цензорской деятельности» упомянутого Полного собрания сочинений. Здесь впервые были опубликованы все обнаруженные «отзывы», «рапорты», «мнения», «записки», относящиеся ко времени службы Гончарова сначала в Петербургском цензурном комитете, а затем в Совете министра внутренних дел по делам книгопечатания и Совете Главного управления по делам печати. Как отмечалось в рецензии на вышедшее издание, «публикация таких материалов еще не стала для литературоведов обычным делом, не имеет устоявшейся традиции, и данное издание, скажем сразу, может стать образцом для подражания и осмысления будущих издателей служебных документов писателей, имевших опыт государственной службы (например, служебных бумаг М. Е. Салтыкова-Щедрина)».⁴⁴ Убеждение Андре Мазона в том, что «и в таких бумагах, от которых веет какой-то канцелярской скукой, возможно отыскать отражение умственной и нравственной личности Гончарова»,⁴⁵ очевидно, в какой-то степени разделяли и составители тома, заметившие, что «в некоторых гончаровских отзывах, при

том что они остаются канцелярскими документами, заметны и личный взгляд на рассматриваемый им текст, и собственное отношение к затронутым в нем вопросам, и подчас живое чувство, вызванное возникшей в связи с произведением ситуацией, иногда весьма драматичной».⁴⁶ Однако ценность цензорских документов не только в этом. Уже в комментарии к изданию подчеркивалось, что цензорские отзывы писателя могут быть соотнесены с его литературно-критическим наследием: «В непосредственной связи с этической позицией Гончарова стоит его требование к форме, в которой проводится идея и выражаются гражданские и моральные воззрения автора. Для Гончарова законна и приемлема форма, основанная на логическом порядке анализа, сохраняющая правильную пропорцию в изображении явления и способствующая установлению истины и справедливости. Пренебрежение этими условиями губит самые благие намерения автора, вносит хаос и раздор в сферу науки и политики, разрушает нормальные отношения между литературой и обществом, необходимые для действительного прогресса. Мотив этот хорошо просматривается во многих вынесенных Гончаровым приговорах. Будучи в своей художественной и литературно-критической практике привержен строго объективной, уравновешенной, в истоках своих классической форме, он последовательно карал отступления от нее в подлежащей его суду печати, исполняя тем самым в известной степени функции литературной критики, эстетические требования которой в ту пору не всегда были на должной высоте».⁴⁷ Связь служебной и творческой деятельности Гончарова прослеживалась в работах нескольких исследователей. В том числе и в наших статьях было указано на то, что цензорская служба оказала влияние на изменение жанрового состава произведений писателя и его обращение к литературной критике, а также рассмотрено несколько случаев непосредственного воздействия служебных обстоятельств Гончарова на творческую историю романа «Обрыв».⁴⁸ Цензорская служба Гончарова как попытка посредничества между властью и литературой анализировалась К. Ю. Зубковым,⁴⁹ его же статья

Harvard University Press, 2018 (см. также рец.: Зубков К. Ю. Гончаров как империалист // Новое литературное обозрение. 2018. № 6 (154). С. 333–338).

⁴¹ Документы, имеющие отношение к цензорской службе, начали публиковать очень рано. См., например: Гончаров И. А. 1) Цензорские отзывы (19). 1865 / Предисловие К. А. Военского // Русский вестник. 1906. № 10. С. 579–619; 2) Цензорские отзывы и рапорты (11). 1856–1865 // Mazon A. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. Paris, 1914. P. 349–351, 364–365, 369–370, 377–381, 383–385, 388–393, 417–421; 3) Цензорские отзывы (21). 1866 / Комм. В. Е. Евгеньева-Максимова // Голос минувшего. 1916. № 11. С. 137–156; № 12. С. 141–174, и др.

⁴² Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова / Под ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

⁴³ Котельников В. А. Гончаров как цензор // Русская литература. 1991. № 2. С. 24–51.

⁴⁴ Макеев М. С. Критика и библиография. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем... // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 6. С. 207–212.

⁴⁵ Мазон А. А. Гончаров как цензор: К освящению цензорской деятельности И. А. Гончарова // Русская старина. 1911. Т. 145. Январь–февраль–март. С. 478.

⁴⁶ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 2014. Т. 10. Материалы цензорской деятельности / Подг. текста и прим. К. Ю. Зубкова, В. А. Котельникова; ред. тома А. Г. Гродецкая, Т. А. Лапицкая. С. 448.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См., например: Гуськов С. Н. Материалы цензорской деятельности И. А. Гончарова как творческий источник романа «Обрыв» // Гончаров после «Обломова». СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015. С. 26–39, и др.

⁴⁹ Зубков К. Ю. Между властью и писательским миром: И. А. Гончаров и проекты цензурных реформ 1858–1859 гг. // Чины и музы. С. 310–331.

посвящена роли Гончарова-эксперта в присуждении Уваровской литературной премии.⁵⁰ Сотрудниками группы по изданию Полного собрания сочинений Гончарова в Пушкинском Доме было написано еще несколько статей, освещающих различные этапы служебной деятельности писателя и связи этой деятельности с его художественным творчеством: службы в канцелярии симбирского губернатора Загряжского в 1834 году,⁵¹ в Департаменте внешней торговли Министерства финансов в 1830–1850-х годах,⁵² в Министерстве внутренних дел в качестве главного редактора газеты «Северная почта»⁵³ и др. Столь интенсивное (по крайней мере, в сравнении с другими писателями) внимание ученых к чиновной деятельности Гончарова обусловлено, по нашему мнению, особой ролью государственной службы писателя в его творчестве, до последнего времени по разным причинам не проясненной, — и в какой-то степени тем, что в настоящее время осуществляется подготовка соответствующих томов Полного собрания сочинений писателя.

Похожая ситуация сложилась и с материалами служебной деятельности К. Н. Леонтьева. Публикация большого массива архивных документов была осуществлена в Пушкинском Доме также в составе Полного собрания сочинений и писем.⁵⁴ Отмечая недостаточную изученность биографии писателя вообще, автор предисловия к тому отмечает, что наименее исследованной «является тема „Леонтьев на государственной службе“».⁵⁵ Стремясь ликвидировать обнаруженные лакуны, составители тома постарались представить разнообразные служебные документы русского консерватив-

ного государственного деятеля и писателя, начиная с рапортов в нижегородскую врачебную управу Леонтьева-лекаря (в конце 1850-х) до цензорских докладов, «стяжавших автору репутацию московского Тарквемады»,⁵⁶ и других материалов, имеющих отношение к периоду службы Леонтьева в Московском цензурном комитете (1880–1887). Опубликованы и многочисленные документы консульской службы писателя (1864–1871), в приложениях помещены также аттестаты и формулярные списки Леонтьева за 1854–1887 годы. Интерес к служебной деятельности Леонтьева нашел отражение и в научных статьях,⁵⁷ однако пока он не столь интенсивен.

Первый и относительно малоизученный период государственной службы Н. С. Лескова был рассмотрен в статье М. А. Кучерской,⁵⁸ написанной по материалам Центрального государственного исторического архива Украины. Исследовательница опубликовала материалы, имеющие отношение к службе Лескова в киевской Казенной палате с 1849 по 1860 год. Канцелярские дела о рекрутских наборах, которые составлял Лесков, не только уточняют недостаточно изученные обстоятельства этого периода биографии писателя, но и могут послужить материалом для комментария к произведениям Лескова (рассказу «Владычный суд» и др.). Статью и публикуемые в ней документы можно рассматривать как дополнение к интригующей публикации материалов служебной деятельности Лескова в томе «Литературного наследства».⁵⁹

Во второй раз Лесков поступил на службу уже известным писателем. Его служба в особом отделе Ученого комитета Министерства народного просвещения с 1874 по 1883 год освещалась еще в мемуарах его сына А. Н. Лескова,⁶⁰ свидетельства о службе Лескова оставил и его биограф А. И. Фаресов, книга которого с комментарием вошла в недавно вышедший сборник «Лесков в воспоминаниях современников».⁶¹ Анализ служебной деятель-

⁵⁰ *Зубков К. Ю. И. А. Гончаров и награда графа Уварова // Русская литература. 2018. № 4. С. 60–77.*

⁵¹ *Гуськов С. Н. Как жандармы Гончарова спасли // Там же. 2016. № 4. С. 70–84.*

⁵² *Романова А. В. «Работы было немного...»: И. А. Гончаров — переводчик в Департаменте внешней торговли // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 282–292.*

⁵³ *Гайнцева Э. Г. И. А. Гончаров в «Северной почте» (История одной газетной публикации) // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Сост. М. Б. Жданова, А. В. Лобкарева, И. В. Смирнова. Ульяновск: «Печатный двор», 1998. С. 261–267; *Калинина Н. В. Эпизод из жизни романиста: как И. А. Гончаров стал редактором правительственной газеты // Чины и музы. С. 332–356; Гуськов С. Н. Экономика патриотизма (И. А. Гончаров в «Северной Почте») // Складчина: Сб. статей к 50-летию профессора М. С. Макеева / Под ред. Ю. И. Красносельской и А. С. Федотова. М.: ОГИ, 2019. С. 63–70.**

⁵⁴ *Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2017. Т. 10. Документы служебной деятельности. Кн. 1, 2.*

⁵⁵ Там же. Кн. 2. С. 320.

⁵⁶ Там же. С. 321.

⁵⁷ См.: *Фетисенко О. Л. Константин Леонтьев. Теория и практика государственной службы // Чины и музы. С. 539–551.*

⁵⁸ *Кучерская М. А. Столоначальник Лесков // ЛЕО PHILOLOGIAE: Фестшрифт в честь 70-летия Льва Иосифовича Соболева. М., 2016. С. 178–196.*

⁵⁹ О жизни Лескова в Киеве в 1860–1861 годах. По документам Центрального государственного исторического архива Украины / Вступ. статья, публ. и комм. Л. И. Левандовского // Лит. наследство. 2000. Т. 101. Незданный Лесков. Кн. 2. С. 295–321.

⁶⁰ *Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 409–411; Т. 2. С. 176–199.*

⁶¹ Лесков в воспоминаниях современников. М.: Новое литературное обозрение, 2018 (сер. «Россия в мемуарах»).

ности Лескова за этот период был проведен в статье С. А. Рейсера.⁶² Наиболее полно корпус рецензий и других документов, составленных Н. С. Лесковым в 1874 году, был опубликован в очередном томе Полного собрания сочинений писателя.⁶³ В сопроводительной статье к тому отмечено, что в служебных рецензиях Лескова «заключен важный материал, характеризующий его позиции в вопросах социальных, педагогических, богословских, исторических и других»,⁶⁴ констатирована и тесная связь служебной и творческой деятельности Лескова: «Среди опубликованных литературно-критических статей писателя есть такие, которые дословно повторяют текст рецензий, зафиксированных в Журнале Особого отдела, или же имеют незначительную правку».⁶⁵ Служебная деятельность Лескова в Министерстве народного просвещения рассматривалась также в статьях О. В. Макаревич.⁶⁶ Как отмечено в одной из них, «служба в особом отделе Ученого комитета Министерства народного просвещения — значительный этап биографии и творческой судьбы Лескова <...> именно деятельность писателя по рецензированию книг для народного и детского чтения во многом определила векторы его творческого пути в 1870–1880 гг.».⁶⁷

Любопытное суждение Лескова об отношении к писателям на государственной службе передает его современник А. И. Фаресов. В разговоре с государственным контролером Т. И. Филипповым Лесков возмущается пренебрежительным мнением государственных чиновников о литераторах: «Я ведь сам служил и знаю этот взгляд о писателях на государственной службе. Хорошо еще, что где-то их терпят... Точно деятельность в литературе ничего не стоит для государственных интересов; точно какой-нибудь секретарь и делопроизводитель — более полезный член государства! <...> Пора в такой малокультурной стране, как Россия, ценить писателя выше чиновника и принимать его на службу, не жалея денег и не сомневаясь в том, что государство выиграет и в частности и в общем, если литературные

люди войдут в его учреждения и салоны».⁶⁸ Разговор этот происходил в 1895 году незадолго до смерти Лескова.

Это мемуарное свидетельство показывает новое сформировавшееся на протяжении XIX века отношение к писателю: «писатель выше чиновника», писатель должен приниматься государством на службу именно в качестве писателя, а не копииста или начальника департамента.

Вяземский в начале XIX века должен был убеждать общественное мнение, что можно быть поэтом и дельным человеком одновременно: «Выражение: он человек, к делам неспособный! он поэт! реже слышится <...> любовь к изящному, утонченное образование ума, сила и свежесть чувства, склонность к занятиям возвышенным, искусство мыслить и изъясняться правильно на языке природном и другие душевные и умственные принадлежности писателя не вредят здравому рассудку, твердости в правилах, чистоте совести, быстроте и точности соображений и горячему усердию к пользе общественной, требуемому от государственного человека».⁶⁹ Лесков настаивает уже на том, что писатель не только выше чиновника, но и полезен государству как таковой. Литература на протяжении XIX века эмансипировалась от государства и превратилась в экономически и идеологически самостоятельную сферу деятельности. Становился самоценным и статус литератора. Эти процессы происходили на протяжении XIX века и отражены в личных траекториях писателей, вовлеченных в те или иные виды государственной службы.

В XXI веке усиливается интерес исследователей к изучению истории русской литературы в контексте деятельности государства. Одна из форм этого интереса — рассмотрение биографических и творческих траекторий писателей в связи с их государственной службой, публикация материалов служебной деятельности писателей, подробное изложение их служебных биографий, сопоставление событий и материалов службы с творческой биографией писателей и их текстами.

Обзор исследований по теме позволяет с некоторой уверенностью утверждать, что нынешнее довольно интенсивное внимание к теме «Литература и государственная власть» связано с масштабными процессами, происходящими в гуманитарных науках: с корректировкой научной парадигмы, историческим поворотом, возрастающей ролью историко-социологических и дигитальных исследований.

⁶² Рейсер С. А. Н. С. Лесков и народная книга // Русская литература. 1990. № 1. С. 181–193.

⁶³ Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Книговек, 2016. Т. 13.

⁶⁴ Чуднова Л. Г. Н. С. Лесков в Министерстве народного просвещения // Там же. С. 538.

⁶⁵ Там же. С. 537.

⁶⁶ См., например: Макаревич О. В. Н. С. Лесков и книги для народа (К истории издания сборника «Зеркало жизни истинного ученика Христова») // Русская литература. 2018. № 4. С. 83–90.

⁶⁷ Макаревич О. В. «В самом благонамеренном духе...»: литература для народа в оценке Н. С. Лескова // Чины и музы. С. 509–510.

⁶⁸ Фаресов А. И. Против течений: Н. С. Лесков, его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем // Лесков в воспоминаниях современников. С. 89.

⁶⁹ Вяземский П. А. Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. 112.